

О ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДАХ ПУШКИНА НА ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

Римантас СИДЕРАВИЧЮС

Теме «Пушкин и Литва» принадлежит одно из ведущих мест в изучении межнациональных связей литовской литературы. Влияние творчества Пушкина на литовскую литературу является значительным и очевидным. О нем уже свидетельствует обильный материал, помещенный в библиографии переводов произведений Пушкина на литовский язык и статей о его творчестве. Этой теме посвящены исследовательские работы таких деятелей литовской культуры как поэт В. Миколайтис-Путинас, акад. К. Корсакас и другие¹.

Данная статья посвящена одному из частных вопросов этой темы — восприятию творчества Пушкина в Литве по первым переводам его произведений. Подробное рассмотрение этих переводов позволит более четко определить некоторые закономерности во взаимоотношениях национальных литератур. Нельзя сказать, что до последнего времени эти переводы оставались за пределами внимания исследователей. Однако освещались они несколько односторонне. (Опубликованная в 1949 году в сборнике «Пушкин и литовская литература» статья «Переводы Пушкина на литовский язык», как оговаривается ее автор О. Петренайте, имела целью лишь систематизацию и исторический обзор переводов.)

Исследователи русско-литовских литературных связей давно уже выделили одну из особенностей влияния творчества русских писателей на развитие литовской национальной литературы. Как справедливо отмечают Б. Сруога, В. Миколайтис-Путинас, К. Корсакас, А. Венцлова, представители формировавшейся во второй половине XIX века литов-

¹ Прежде всего следует отметить статью В. Миколайтиса-Путинаса «Пушкин и литовская литература», вошедшую в сборник того же названия, изданный в Вильнюсе в 1949 году на литовском языке, статью К. Корсакаса «Влияние Пушкина на литовскую литературу (Сб. «Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций», М.—Л., 1952) и другие его работы в республиканской периодике, позже вошедшие в сборник „Literatūŗų draugystė“ («Дружба литератур»).

ской интеллигенции воспринимали явления русской литературной жизни непосредственно, обходясь без воспроизведения на родном языке. Обучаясь в русских школах (после запрещения литовской письменности Муравьевым-вешателем) и в русских университетах, они знакомились с произведениями русских писателей в подлинниках. И не будет преувеличением сказать, что образованным людям Литвы Пушкин был так же известен и близок, как и русским. Как говорил В. Миколайтис-Путинас, «с середины XIX века целые поколения литовских литераторов воспитывались на творчестве Пушкина, читали его сочинения, а в школе и учили наизусть»². Дополнительным доказательством этого могут служить списки пушкинских произведений, хранящиеся в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета, стихи великого поэта, найденные в бумагах С. Даукантаса (1793—1864) — литовского историка и писателя-просветителя, строки из «Медного всадника», цитируемые в письме 1886 г. родоначальником литовской революционной поэзии И. Мачисом-Кекштасом или переписанное им в свою «Записную книгу» стихотворение «Анчар». Об авторитете, которым пользовался поэт в среде литовских литераторов, красноречиво свидетельствует и такой, например, факт, как упоминание имени Пушкина в полемике о литовских рифмах, развернувшейся в 1905 г. в газете «Lietuvių laikraštis» («Литовская газета»).

«Проникновению» Пушкина в духовный мир литовского читателя, особенно в первой половине XIX века, способствовали и переводы поэта на польский язык, на котором в Литве со времен Речи Посполитой говорили в большинстве случаев представители зажиточных слоев. Имя Пушкина стало более известным в Вильнюсе уже около 1820 года (в письме, написанном в это время одним из членов тайного общества студентов-филомагов сообщается о расправе над молодым вольнолюбивым русским поэтом и его ссылке)³. А в 1824 году в вильнюсской периодике появляются первые переводы произведений поэта на польский язык, являющиеся, к стати сказать, одними из первых переводов произведений Пушкина на иностранные языки. В журнале «Dziennik Wileński» («Вильнюсский журнал») была опубликована черкесская песня из «Кавказского пленника» и татарская песня из «Бахчисарайского фонтана». Затем вышли в польском переводе «Братья разбойники» и

² V. Mykolaitis. Puškinas ir lietuvių literatūra. V., p. 20.

³ См. К. Н. Державин. Пушкин в славянских литературах. Сб. «Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций». М.—Л., 1952, стр. 229—230.

«Бахчисарайский фонтан» полностью. А в 1847 году был переведен и издан роман в стихах «Евгений Онегин» (с некоторыми сокращениями). Вообще, в первой половине XIX века около трети всех переводов Пушкина на польский язык увидели свет в вильнюсских изданиях. К этому надо добавить, что в вышеупомянутом журнале часто появлялись заметки информационного характера о состоянии дел в русской литературе, и в них мы часто встречаем имя поэта, отзывы о его произведениях.

Интересно отметить, что один из первых деятелей литовского национально-освободительного движения Л. Юцявичюс (1813—1846), писавший в основном на польском, был большим почитателем творчества Пушкина и тоже переводил его произведения на польский язык. Так в сборнике своих произведений, изданном в 1834 году, он помещает сделанный в прозе перевод пушкинской «Полтавы». В альманахе вильнюсских литераторов «Linksmine» («Линксмине») за 1840 год было опубликовано переведенное им стихотворение Пушкина «Я пережил свои желанья...». Надо сказать, что звучат эти стихи на польском довольно непривычно, так как природа польского языка с постоянным ударением на предпоследнем слоге не позволяет воссоздать стихотворцам того времени силлабо-тонический размер; отсутствуют в переводе четырехстопный ямб и столь характерные для этого стихотворения мужские рифмы.

Собственно литовская литература к творчеству Пушкина обратилась довольно поздно — в 80—90-х годах прошлого века. В этот период нового подъема достигло национально-освободительное движение, происходил процесс формирования литовской нации. Образовалась буржуазная интеллигенция. Быстрый рост национального самосознания вызвал к жизни периодическую печать, которая из-за запрета царскими властями литовской письменности, издавалась за границей и нелегально доставлялась в Литву. В творчестве наиболее видных литовских писателей утвердился метод критического реализма. И если раньше, в первой половине и середине XIX века, как отмечал К. Корсакас, «литовская поэзия и особенно литовский литературный язык еще оставались на таком уровне, что переводить Пушкина для начинающих писателей того времени могло казаться неосуществимой мечтой»⁴, то теперь эта мечта становится уже реальной.

⁴ К. Корсакас. *Literatūry draugystė*. V., 1962, p. 207.

Чем объясняется выбор для перевода тех или иных произведений поэта? На этот счет в литовском литературоведении нет определенного мнения. В. Миколайтис-Путинас, например, утверждает, что «было бы напрасным искать какую бы то ни было ведущую мысль или отражение характера эпохи в выборе переводимых произведений Пушкина в тот период (до 1920 г.— Р. С.). Выбор переводимых произведений кажется совсем случайным и не много говорящим о вкусе самих переводчиков»⁵.

Учитывая эту случайность, мы видим, однако, что каждое переведенное произведение становится фактом общего литературного процесса, отражая при этом внутренние закономерности развития воспроизводящей это произведение литературы. И естественно, что в результате всего этого переводятся в первую очередь обычно те произведения, которые в большей степени соответствуют потребностям национального литературного процесса. Потребности эти не следует понимать только как тематическое созвучие злобе дня. Здесь важно и другое — такие, например, свойства переводимых произведений, как народность, доступность их самым широким массам читателей. В Литве того времени, с ее пробуждающимся национальным самосознанием народа, становлением национальной литературы немаловажное значение имело как можно более быстрое приобщение широчайших народных масс к сокровищнице мировой культуры. Это была одна из основных задач, стоявших перед литовской литературой. Не случайно в редакционной статье «Что нам следовало бы перевести?», опубликованной в 1900 году в газете «Тевине» («Родина»), издававшейся в Америке, содержится следующее обращение к деятелям литовской культуры: «Давайте переводить такие произведения, чтение которых было бы приятным и полезным для нашего **простого читателя**»⁶. Подобная мысль заключена и в предисловии поэта-переводчика М. Дагилелиса (М. Шейжиса) к его сборнику оригинальных и переводных произведений „Dainos ir sakmės“ («Песни и притчи»), вышедшему в 1903 году в Тильзите. Автор притч и неказистых стихотворений (он перевел и два стихотворения Пушкина) оговаривается: «Не стремлюсь здесь защищать свои первые поэтические опыты, — пусть о них сам Уважаемый читатель судит. Хотел бы лишь напомнить, что не для ученых соотечественников эти песенки и басни сложил, но для жителей литовских хуторов»⁷.

⁵ V. Mykolaitis. Puškinas ir lietuvių literatūra, p. 20.

⁶ „Tėvynė“, organas susivienijimo LA, 1900.III.3, Nr. 7.

⁷ M. Daigilėlis. Dainos ir sakmės. Tiltė, 1903.

Высказывания эти, на первый взгляд, кажутся слишком прямолинейными. Однако сам характер выбранных для перевода на литовский язык произведений Пушкина наглядно свидетельствует о правомерности высказанного выше мнения.

До сих пор первым произведением Пушкина, появившимся на литовском языке, считалась его баллада «Утопленник» в переводе П. Арминаса-Трупинелиса. Интересно отметить, что долгое время автор подлинника не указывался, хотя перевод неоднократно перепечатывался. Однако, как выяснилось сейчас, приоритет ознакомления литовского читателя с творчеством великого русского поэта принадлежит не П. Арминасу-Трупинелису.

В январе 1967 года автор этой статьи просматривал учебники русского языка для школ Литвы второй половины XIX века. Целью было уяснить, с какими известными литературными произведениями ученики знакомились в школе. При этом удалось обнаружить более ранние переводы произведений Пушкина на литовский язык, до сих пор неизвестные. Это небольшой фрагмент из «Евгения Онегина», названный «Русской зимой», и «Сказка о рыбаке и рыбке», помещенные как переводы к текстам в «Русской грамоте для литовцев» издания 1875 года.

Учебник этот, одобренный Ученым комитетом Министерства народного просвещения как руководство «для обучения русской грамоте в литовских школах», был напечатан в Вильнюсе славянским алфавитом (во время насильственной русификации называвшемся «гражданка»). Составлен он, как предполагает литовский библиограф В. Биржишка, надзирателем 2-ой вильнюсской реальной гимназии И. Кречинским. На эту мысль библиографа, вероятно, натолкнуло то обстоятельство, что имя И. Кречинского в качестве переводчика указано на издании «Русской азбуки с переводом слов и фраз на жмудский язык», вышедшем в 1861 году в Петербурге. Известно также, что И. Кречинский составлял и переводил подобный учебник, изданный несколько позже в Каунасе. Вышеуказанные пособия, как и последующие, являлись своего рода компиляцией из наиболее известных в то время русских учебников для начальной школы. Подбирать статьи и произведения для чтения составителю почти не приходилось — главной его задачей был труд переводчика.

Переводы статей и некоторых стихотворений (например, кольцовского «Что ты спишь, мужичок» и др.) являются подстрочными. Однако даже при первом взгляде на литовский текст, помещенный рядом с пуш-

Русшика жема.

Жема!... Пуйкась мужикелісь.

**Антъ рагю пратрина кели,
Снега паяутісь арктэлісь,
Будрай патраукя важели.
Снегасъ антъ дирвосъ дуль
кея.**

**Ись бэга кэйнъ тикъ галэя,
Вэжеясь едже краштели
Шубой. раудонамъ диржели.**

1. Перевод отрывка из «Евгения Онегина», озаглавленного «Русской зимой», в «Русской грамоте для литовцев» издания 1875 г. (текст напечатан «гражданкой» — алфавитом, введенным царской администрацией после запрещения письменности в 1865 г.).

исчезла.) Если схема рифмовки и соответствует пушкинской, то этого нельзя сказать о характере самих рифм: у Пушкина в данном отрывке четыре мужские клаузулы, четыре женские, в переводе же они все стали женскими. Нет здесь и известного онегинского четырехстопного ямба: каждая строка состоит из восьми слогов, в отличие от Пушкина. Видимо, переводчик еще сильно зависим от силлабической версификации.

Перевод другого, также хрестоматийного, в лучшем смысле этого слова, произведения Пушкина — «Сказки о рыбаке и рыбке» не составил особенных трудностей. Язык сказки очень прост, она написана нерифмованным народным размером. Для стихового строя сказки характерны женские окончания, что придает ей повествовательную, заунывную интонацию. Эта интонация ощутима и в литовском тексте, где также господствуют женские окончания стихов. Это, вероятно, и является единственным фактором ритмической организации речи в переводе.

Кто же все-таки является переводчиком этих произведений? В предыдущем издании «Русской грамоты для литовцев» относящемся

кинскими стихами или крыловской басней «Чиж и голубь», обнаружим явные приметы поэтического перевода. Вот этот отрывок:

РУССКАЯ ЗИМА

*Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.*

Стремясь зарифмовать эти строки, переводчик вынужден упустить некоторые детали и кое-что добавить от себя. (Отчего пострадала даже логика: в переводе получилось, что и крестьянин, и ямщик правят одной и той же лошадкой, а кибитка вообще

к 1868 году, упомянутых произведений Пушкина нет. Характерно и то, что в издании 1875 года, где помещены переводы, они резко выделяются среди остальных текстов тем, что выполнены не на жемайтском, как весь учебник, а на аукштайтском диалекте литовского языка. Если учесть, что переводы в предыдущем учебнике И. Кречинского также сделаны на жемайтском наречии (а это вполне понятно, так как И. Кречинский в течении 20 лет работал в Жемайтии учителем приходской школы в Таураге), вряд ли можно предполагать, что переводчиком пушкинских стихов является надзиратель 2-ой вильнюсской гимназии. Видимо, к изданию 1875 года причастно другое лицо, предпочитавшее остаться неизвестным.

Но первым, истинно литературным переводом на литовский язык, следует считать вышеупомянутое стихотворение «Утопленник», опубликованное в «Литовском календаре «Аушры» на 1885 год», который представлял собою своеобразный альманах-приложение к первой литовской газете, издававшейся за рубежом. Перевод был осуществлен П. Арминасом-Трупинелисом, к этому времени уже известным переводчиком с польского романтических стихотворных произведений, посвященных историческому прошлому Литвы. П. Арминас-Трупинелис, первым в истории литовской литературы, начинает переводить на родной язык также реалистическую поэзию: басни И. А. Крылова и польского поэта И. Красицкого, поэму Л. Кондратовича «В сельской школе» и др. Эту же реалистическую линию продолжает и названный перевод русской народной баллады Пушкина. Сам переводчик, как нам кажется, относится к этому своему труду довольно критически: на всех переводах он указывает автора оригинала, но назвать имя Пушкина не решается и ставит в конце стихотворения скромное: «перевел с русского П. Трупинелис».

Говорить об адекватности ритмической организации перевода и оригинала не приходится. Можно сказать, что у П. Арминаса-Трупинелиса стих силлабический, т. е. в каждом стихе по 8 слогов (есть лишь следы хоренческого размера), употребляются только женские рифмы, вследствие чего пропадает и столь характерное для баллады деление стихов на октавические строфы. У Пушкина:

*Прибежали в избу дети,
Второных зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».*

Skendinis.

Parbėgo vaikai isz lauko.
Iszsigandę szaukia: „Tėti!
„Tėti, upėj' lavon's plauko,
„Tik tu eikie pasiūrėti!“
— „Na, na rėkit', jus galgonai!“
Vaikams liepė tėv's nutilti —
„Bus kitokie jums lavonai.
„Kaip pradėsiu kailį pilti!
„Žinau prekį szio daliko:
„Seniai galva jau pabalo —
„Jau man sudai įaipiko:
„Pradėk' su jais — tai nēr' galo!
„Kur lavonas?“ — „Czia tėvuli!“
Tiesa, upėj' prie karklino
Numirėlis bėisus guli
Arti kranto, ant smiltino.
Kunas biauriai sudraskitas.
Mėlinūja ir sutino:
Ar vargdienis sukankintas
Vargus savo paskandino?
Gal' prigėrė sen's žuvėjas.
Rasi, girtas jaun's vaikinas.
Ar turtingas koks vaikinas —

2. Перевод баллады А. С. Пушкина «Утопленник», сделанный П. Арминасом-Трупинелисом («Литовский календарь «Аушры» на 1885 г.).

У П. Арминаса-Трупинелиса (см. иллюстрацию 2).

Силлабика в этом переводе исходит из традиций того времени. Она утвердилась в литовской поэзии под влиянием польской версификации. Однако у П. Арминаса-Трупинелиса в «Утопленнике» есть уже робкие отступления от принципов силлабического стихосложения. Прежде всего к ним надо отнести соответствующий оригиналу перекрестный способ рифмовки, что было довольно редким явлением в литовской поэзии. Этот способ рифмовки в переводе отчасти воспроизводит живую повествовательную интонацию пушкинской баллады. Но только отчасти. Что же касается текстового соответствия, то тут нельзя не отметить, что перевод очень близок к оригиналу (единственное отступление переводчика в том, что героем он делает рыбака, но это нельзя назвать существенной «отсебятиной»). Отсутствие переделок, свидетельствующих о стремлении как-то приспособить произведение к новой народной почве, сделать его созвучным новой национальной аудитории (характерная

черта многих литератур на ранних этапах их развития), объясняется здесь в первую очередь глубоко реалистическим, народным характером пушкинской баллады. Изображенные в ней события народной жизни, человеческие характеры близки и понятны литовскому читателю. Ведь и литовскому крестьянину, так же, как и русскому мужику, не раз приходилось из-за нежелания иметь дело с «власть предержащими» идти против веками сложившихся народных представлений о моральном

долге. И ему наверняка случилось испытывать потом угрызения совести, ждать «небесной кары» за свершенный «грех», вроде еженощного появления под окном непогребенного утопленника. Понятно, что произведение это не могло не иметь успеха среди народного читателя.

Другим поэтом, вслед за П. Арминасом-Трупинелисом прокладывающим реалистической поэзии Пушкина путь в современную ему литовскую литературу, был С. Дагилис. В последнем десятилетии XIX века он обращается к строфам из «Евгения Онегина», изображающим русскую природу. Эти отрывки были опубликованы лишь в 1904 году в изданном Российской Академией наук сборнике «Пушкин в литовском переводе», затем были помещены в сборнике избранных переводов С. Дагилиса, вышедшем в 1906 году в Риге.

Следует отметить, что С. Дагилису удалось передать на литовском языке пушкинское восприятие жизни во всей ее полноте, восприятие мудрого и близкого народу художника, умеющего видеть в казалось бы обыденных явлениях действительности истинную поэзию. Переводчик на родном языке талантливо воспроизвел картины русской сельской жизни, тонко передал пушкинский пейзаж. Ямщик, сидящий на облучке «в тулупе, в красном кушаке», распеваящая перед лучиной дева в одинокой избушке, опустевшие с окончанием осенней страды поля, «мальчишек радостный народ», крестьянин, на дровнях «обновляющий» зимний первопут, живо встают перед литовским читателем, и воспринимаются им тем легче, что напоминают поэму литовского поэта Донелайтиса «Времена года». На это обратил внимание составитель

ПУШКИНЪ

ЛИТОВСКОМЪ ПЕРЕВОДЪ

Съ краткими примѣчаниями и предисловіемъ

Э. А. Гольцера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

№ 12.

1904.

3. Титульный лист сборника «Пушкин в литовском переводе» (издание 1904 г.).

вышеупомянутого сборника Э. А. Вольтер, включивший в него переводы С. Дагилиса⁸.

Перевод в текстовом отношении очень близок к оригиналу. Правда не все поэтические образы удались переводчику: найденные им соответствия многим эмоциональным эпитетам (напр., «таинственная сень», «печальный шум») или метафорам («ложился на поля туман» и т. д.) не являются столь яркими и выразительными, как в оригинале, если учитывать то, что достоинство поэтических переводов не в буквальном совпадении, в данном случае — соответствие полное.

Следует отметить и высокое художественное мастерство перевода. Можно без преувеличения сказать, что на общем фоне литовской поэтической культуры того времени, осуществленный С. Дагилисом перевод отрывков из «Евгения Онегина», представляет собой немалое достижение и в некотором отношении даже новое художественное слово. Переводчику удалось воспроизвести не только текстовый материал, но и, в значительной степени, своеобразнейшую пушкинскую интонацию. Воссозданию этой интонации способствовала, во-первых, адекватность ритмической организации: С. Дагилис не только достиг структуры онегинской строфы, но и стремится в конце стиха поставить соответствующее оригиналу слово, т. е. рифмой выделить те же слова, что и у Пушкина. Соблюдает переводчик и синтаксическое построение со многими фигурами, среди которых надо выделить переносы, некоторые инверсии.

У Пушкина:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.*

⁸ «Пушкин в литовском переводе», СПб., 1904.

У С. Дагилиса:

*Dangus jau rudenim kverpėjo,
Rečiau saulelė bespindėjo,
Ilgumas mažinos dienos.
Vainikai girios jau gelsvos
Slamėdami gailingai nyko;
Po mišlą nardėsi laukai,
Žasų girinių jau pulkai
Pietuosna skubinos: atvyko
Gadynė nuobodį suvis;
Salts lapkritys jau pas duris.*

Интересно отметить, что рассматриваемые переводы — яркое свидетельство творческого роста самого С. Дагилиса как переводчика и поэта. Одно только созвучие тематики теперь не главное для С. Дагилиса при выборе поэтических произведений для перевода. Более важным критерием для него становится художественность, мастерство поэта. Переводчик становится популяризатором лучших достижений литературы других народов. В третий сборник своих переводов, изданный в 1906 году в Риге, кроме вышеуказанных пушкинских строф, С. Дагилис включает и стихотворения других русских поэтов: державинское «Бог», лермонтовские «Три пальмы» и «Ангел», произведения Кольцова, Никитина, Козлова, а также переводы стихотворений Шиллера, Мицкевича и т. д. В своем стихотворном вступлении «К читателю» С. Дагилис так мотивирует смысл и значение своего труда для соотечественников:

Поэтому не разгневайся, если простой щегол⁹
Пташка не певчая, безголосая, слабая,
Желая пользы соотечественникам, на родном языке
Песни чужих певцов воспроизводит
Не голосом соловья. И такая песенка
Сможет принести хоть малую долю пользы;
Плакать не заставит, сердце не встревожит,—
Пусть писклявым голосом соловья пробуждает¹⁰.

Конечно, С. Дагилис слишком скромно оценивает здесь свою переводческую деятельность. Однако главная задача сформулирована довольно четко: побудить соотечественников к оригинальному поэтическому творчеству, показать те художественные высоты, к которым

⁹ Щегол по-литовски dagilis, фамилия переводчика.

¹⁰ S. Dagilis. Lietuviškas šiurpinys, iš svetimų skanskonių brolių Lietuvių naudai, pataisytas. Ryga, 1906 (перевод подстрочный).

должна стремиться поэзия. Переводы лучшего, наиболее ценного, по мысли С. Дагилиса, и являются своеобразным путем к высотам мастерства. Такова была их роль и в творчестве самого переводчика. Интересно отметить, что, например, вышеуказанное предисловие написано еще силлабическими стихами (тринадцатисложные строки, женские рифмы, смежная рифмовка, ощутимы следы цезуры). В оригинальном творчестве С. Дагилиса традиции силлабической версификации довольно живучи. Переводы же его были первыми литовскими стихами, где окончательно утвердилось новое силлабо-тоническое стихосложение. Между тем тонический принцип открывал перед литовской поэзией новые большие возможности, так что на данном этапе эти труды С. Дагилиса несомненно были для поэтов Литвы своеобразной школой мастерства.

К более крупным произведениям Пушкина обратился в 1899 году поэт П. Вайчайтис. Он перевел одну из его «маленьких трагедий» — «Скупого рыцаря» и незаконченную народно-лирическую драму «Русалка», которую Н. Г. Чернышевский за ее народный характер оценил, как «одно из самых превосходнейших произведений поэзии Пушкина»¹¹.

Обращение литовского поэта именно к этим произведениям Пушкина объясняется фактами биографии П. Вайчайтиса. Родители хотели определить будущего поэта в духовную семинарию. Когда же П. Вайчайтис против их воли поступил на юридический факультет Петербургского университета, отец, зажиточный крестьянин, желающий видеть сына преуспевающим ксендзом, лишил слушника материальной поддержки.

Однако причина заключалась, вероятно, не только в том, что поэтическое воображение П. Вайчайтиса усмотрело в средневековом бароне, верном слуге и рабе золота, черты богатого хуторянина, всецело поглощенного жаждой наживы. Дело в том, что тематика избранных П. Вайчайтисом произведений была непосредственно созвучна условиям общественной жизни Литвы того периода — периода ликвидации пережитков феодализма и постепенной капитализации деревни. «Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»¹². В таких условиях упомянутые произведения благодаря социальной заостренности внутренней драмы героев были созвучны литовскому читателю.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, стр. 458.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 4, М., 1955, стр. 427.

U n d i n ė.

Drama A. S. Puškino.

Išguldė lietúviškai P. Vaičaitis

Scena I.

Krantas Dniperio. — Malūnas.

Malūnininkas ir duktė.

Malūnininkas: Tai taip! taip taip, mergelės jaunos, visos
Jūs kvailos. Jáugu sýki pasisúko
Júms výras pavydėtinas, nė kėlmas,
Tai reike júms prie sáves jí pritráukti;
O kuom? Tai pasielgimú dorýngu,
Viliót jí šiurkštumú, tai vėl malóne,
O kártais niekadėja, išnetýčiu
Prašněkti àpė svòdba, ò labiáusiai
Dabóti sávo rùtų vainikėlį —
Brangiáusiaį sávo klònį, kúrs kaip žòdis:
Káip tik iškrís, daugiau nesugràžýsi.
Ò jáugu ant svodbės jau neviliesi,
Tai vís-tik galima mandaug išgriebti
Ar pėlną sáu, ar giminėms nors náuda.
Atmýnti rėik: «nė visadà mylės jis
Ir páikys manę». — Bent-gi kūr čion mynti
Júms àpė gerą dáiktą. Jūs káip týčiai
Tuojaus papaikstat: skubinat išpýldyt

О том, что молодой поэт успешно справился со своей задачей, говорит хотя бы тот факт, что перевод «Скупого рыцаря», неоднократно переиздавался и даже был включен в сборник «маленьких трагедий» Пушкина на литовском языке, изданный уже в 1947 году.

Подводя итоги рассмотрению первых переводов произведений А. С. Пушкина на литовский язык, следует еще раз подчеркнуть, что выбор их литовскими литераторами был, конечно, не случайным. Перед нами в подавляющем большинстве случаев произведения, говоря словами В. Г. Белинского, доступные «разумению народа». Кроме разобранных нами ранее, это — появившиеся в 1896 году в газете «Gargas Amerikos lietuviai» («Голос американских литовцев») «Бесы», «Зимний вечер», переводившийся в 1908, 1912, 1914 годах, «Сказка о рыбаке и рыбке», изданная в 1902 году, песня из поэмы «Цыганы» «Птичка божия не знает...», трижды переведенная в 1907 году разными авторами и другие «так называемые народные произведения»¹³. Надо сказать, что явление это — общее для молодых развивающихся литератур, переживавших в это время период подъема и находившихся примерно в одинаковых условиях с литовской литературой. И у латышей, и у эстонцев первым переведенным драматическим произведением Пушкина был «Скупой рыцарь», а из стихотворений в хронологическом порядке следуют «Зимний вечер», «Бесы», «Утопленник», «Туча», «Птичка» и т. д.

Не менее важно и другое. Есть немало примеров, когда произведения других литератур при их переводе на литовский язык свободно интерпретировались, так сказать, привязывались к современности и простейшим образом переделывались (это характерно для каждой менее развитой литературы, испытывающей влияние более развитой). Однако этого ни в коей мере нельзя сказать о первых переводах народных произведений Пушкина на литовский язык. Будучи глубоко национальным поэтом, он в то же время достигает такой высоты истинной народности, что становится родным и для других народов.

Обращение литовских поэтов к творчеству Пушкина, создавшего в своих произведениях правдивые и безыскусные картины народной жизни и истинно народные характеры, несомненно сыграло определенную роль в формировании тенденции народности в молодой литовской литературе.

Июнь, 1967

Вильнюсский гос. университет
им. В. Каспукаса

¹³ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. II, стр. 508.

PIRMIEJI PUŠKINO VERTIMAI Į LIETUVIŲ KALBĄ

R. SIDERAVIČIUS

Re z i u m ė

Puškino poveikis lietuvių poezijai nekelia abejonių. Tačiau šis poveikis, kaip pripažįsta daugelis nagrinėjamu klausimu rašiusių tyrinėtojų, sunkiai apibūdinamas. Be to, nors jau sukaupta gausi medžiaga apie Puškinio poveikį lietuvių literatūrai, vis dar pasigendama tikslesnių ir labiau apibendrinančių išvadų.

Straipsnyje nagrinėjamas vienas abiejų literatūrų savitarpio santykių aspektas — vertimai, ir išryškinama tai, kas domino XIX a. lietuvių poetus Puškinio kūryboje. Nustačius pasirinktų vertimų pobūdį, aiškėja, kad tai buvo realistiniai ir liaudiškiausi didžiojo poeto kūriniai. Aptariami taip pat R. Sideravičiaus naujai surasti Puškinio poezijos vertimai, išspausdinti 1875 m. Lygiagrečiai nagrinėjamos ir kai kurios konkrečios vertimų problemos — vertimo darbo reikšmė besiformuojančiai silabinei-toninei lietuvių eilėdarai ir lietuvių poezijos kultūrai apskritai.

THE FIRST PUSHKIN TRANSLATIONS INTO LITHUANIAN

R. SIDERAVIČIUS

S u m m a r y

Pushkin's influence on Lithuanian poetry is undoubtful. But this influence as it is acknowledged by a lot of people investigating this problem is difficult to formulate. In spite of the copious material on Pushkin's influence upon Lithuanian literature we still lack more precise and generalizing conclusions.

The article deals with one aspect of the interrelation between those two literatures, that is with translations and first of all that what interests Lithuanian poets in Pushkin's work. Having analysed the features of the works chosen for translation, it becomes clear that these were realistic and the most national works of the great poet. The article deals with newly discovered translations published in 1875 as well. Alongside with this some concrete problems of translation are being analysed, e. g. the importance of the translation work on the formation of the syllabic-accential Lithuanian verse and Lithuanian poetry on the whole.